

Новѣйшій византизмъ и его значеніе ¹⁾.

Достопримѣчательной чертой въ состояніи современной исторіографіи является движеніе къ детальной разработкѣ исторіи Византійской имперіи, особенно замѣтно обнаружившееся въ ученомъ мірѣ въ самое послѣднее время. Свое начало движеніе это получило въ Германіи и Франціи въ первыхъ десятилѣтіяхъ настоящаго столѣтія; затѣмъ, независимо отъ трудовъ нѣмецкихъ и французскихъ ученыхъ, интересъ къ разработкѣ прошлаго Византіи пробуждается у насъ въ Россіи; еще позднѣе сюда присоединяются англійскіе, греческіе и итальянскіе ученые, такъ что въ настоящее время можно насчитать уже очень почтенный рядъ солидныхъ ученыхъ силъ, работающихъ въ этой области по разнымъ уголкамъ образованной Европы.

Это явленіе въ жизни современной исторической науки заслуживаетъ вниманія во многихъ отношеніяхъ. Извѣстно, что византійская исторія съ давней поры была въ пренебреженіи: въ ней не видѣли ничего, кромѣ непрерывной смѣны лицъ и династій на престолѣ, нескончаемаго ряда дворцовыхъ интригъ и злодѣйствъ, деспотизма и нравственной порчи высшихъ классовъ и рабства подавленной ихъ произволомъ народной массы. Рѣчи о постепенномъ паденіи Византійской имперіи, о дряхлости ея государственнаго организма, который представлялся переполненнымъ всевозможными общественными болѣзнями, были избитыми, но тѣмъ не менѣе любимыми мѣстами у западныхъ историковъ во всѣхъ тѣхъ случаяхъ, когда имъ такъ или иначе приходилось касаться прошлаго Византіи. Что подавленная

¹⁾ Пробная лекція, читанная въ Московской духовной Академіи 17-го августа 1893 г. по каведрѣ новой гражданской исторіи.

своими внутренними беспорядками, Византія стояла вдали отъ жизни европейскихъ народовъ и ея существованіе явилось лишь случайнымъ придаткомъ въ ходѣ развитія послѣднихъ, — это еще недавно было общимъ убѣжденіемъ, во имя котораго византійская исторія а—priori обрекалась на забвеніе и исключалась изъ круга историческихъ занятій. Правда, и ранѣе настоящаго столѣтія, особенно же въ XVI-мъ и XVII-мъ вѣкахъ, на Западѣ были люди, интересовавшіеся Византіей и оставившіе своими трудами прочные слѣды въ византологіи: идея цѣльной и самостоятельной византійской исторіи въ первый разъ была ясно признана и высказана еще въ половинѣ XVI-го вѣка нѣмецкимъ ученымъ Иеронимомъ Вольфомъ ¹⁾, а XVII-й вѣкъ, когда въ области византійской исторіи одновременно работали такіе лица, какъ Дюканжъ, Комбефизъ, Лаббъ, Валуа и др., можетъ быть относительно названъ даже вѣкомъ процвѣтанія византизма ²⁾. Но эта имѣющая еще и доселѣ важную научную цѣнность дѣятельность ученыхъ XVI-го и XVII-го вѣковъ была лишь вступленіемъ, за которымъ нескоро послѣдовало продолженіе. Насталъ XVIII-й вѣкъ, — вѣкъ раціоналистической философіи, гордо провозглашавшей права человѣческаго ума и презрительно относившейся къ наполненному заблужденіями прошлому. Всего менѣе могла привлекать къ себѣ этотъ просвѣщенный вѣкъ византійская исторія: въ его глазахъ она должна была казаться сплошнымъ чернымъ пятномъ въ жизни человѣчества. И вотъ — къ началу нашего столѣтія въ ученomъ мірѣ погасъ и тотъ интересъ къ Византіи, съ которымъ она разрабатывалась ранѣе, и византологія медленнымъ и труднымъ путемъ, обнимающимъ большую половину текущаго столѣтія, должна была оправляться отъ униженія, въ которое повергъ ее XVIII-й вѣкъ.

Два, какъ намъ кажется, обстоятельства способствовали главнымъ образомъ возрожденію византизма въ новѣйшее время. II прежде всего самый фактъ свѣще, чѣмъ тысящелѣтняго существованія Византійской имперіи долженъ же

¹⁾ Васильевскій. Обзорніе трудовъ по византійской исторіи. Выпускъ I. Спб., 1890. Стр. 13 сл.

²⁾ Васильевскій, *ibid.*, стр. 53—149.

былъ обратить на себя вниманіе и вызвать попытки къ уясненію его. Какимъ образомъ могла столь долго жить эта имперія, дряхлость государственнаго строя которой считалась общепризнаннымъ догматомъ, да еще въ постоянной борьбѣ съ могущественными вѣшними врагами? Этотъ и подобные вопросы необходимо должны были возникнуть въ исторической наукѣ, — въ особенности послѣ того, какъ рушились предвзятая теорія, съ точки зрѣнія которыхъ разсматривались средніе вѣка въ XVIII-мъ и началѣ XIX-го столѣтія, и западные историки обратились къ подробному изученію періода, отдѣляющаго древній міръ отъ новаго. Поставленная на строго-научную почву разработка средне-вѣковой жизни не могла не отразиться благоприятно на оживленіи византинистическихъ занятій; анализируя событія среднихъ вѣковъ, историкъ сплошь и рядомъ наталкивался на частыя точки соприкосновенія между средне-вѣковымъ Западомъ и восточной Византіей и нерѣдко видѣлъ себя въ необходимости для пониманія изучаемыхъ событій обращаться къ фактамъ византійской исторіи. Замѣчательно, что первымъ изъ нѣмецкихъ историковъ, занявшимся Византіей, былъ Шлоссеръ, — авторъ знакомаго всѣмъ и каждому курса всеобщей исторіи, — въ 1812-мъ году опубликовавший свое сочиненіе: „Исторія императоровъ — иконоборцевъ ¹⁾“. — Съ другой стороны, на возбужденіе интереса къ византійской исторіи не маловажное вліяніе оказали и политическія обстоятельства нашего времени. Извѣстно, что ни одна наука столь близко не соприкасается съ общественными движеніями, какъ исторія; историческое изученіе обыкновенно питается интересами, господствующими въ данный моментъ въ обществѣ, и къ нему часто обращаются только за тѣмъ, чтобы получить отвѣты на текущіе запросы дня. Въ нашемъ столѣтіи политическая жизнь Европы сложилась такъ, что Константинополь, — эта древняя столица Византійской имперіи, — привлекаетъ къ себѣ общее вниманіе и историческое изученіе его прошлаго становится насущною потребностью времени. Сначала борьба Грековъ за политическую независимость, вызвавшая къ себѣ симпатіи лучшей части европейскаго общества; затѣмъ, воз-

¹⁾ Schlosser. Geschichte d. bildenstürmenden Kaiser, Frankfurt.

станія славянъ противъ турецкихъ притѣсненій и дѣла по облеченію ихъ участи и окончательному освобожденію,—все это невольно приковывало взоры европейскаго міра къ Востоку и рождало естественное желаніе ознакомиться съ его исторіей, чтобы быть въ состояніи судить о настоящемъ. Такъ, едва только успѣло окончиться возстаніе грековъ противъ турокъ, какъ Фалльмерайеръ выступилъ со своей, поднявшей цѣлую бурю, теоріей, что нынѣшніе греки не потомки древнихъ эллиновъ, а потомки славянъ, населившихъ собой Пелопоннесъ и другія части Греціи въ VI-мъ вѣкѣ. Эту свою теорію онъ развилъ въ двухъ сочиненіяхъ, оказавшихъ значительное вліяніе на развитіе византологіи: „Исторіи Трапезунтскаго государства“¹⁾, вышедшей въ свѣтъ въ 1827-мъ году, и „Исторіи полуострова Мореи въ средніе вѣка“²⁾, изданной въ 1830-мъ году. Для сужденія объ указанномъ взаимодѣйствіи между политикой и исторіографіей характерно также и то обстоятельство, что всѣ появившіеся въ наше время систематическіе курсы Византийской исторіи носятъ названіе „исторіи Греціи“ и излагаютъ собственно исторію греческаго народа, при чемъ прошлое Византіи является только одною частью сложнаго цѣлаго.

Основаніе византийской наукъ настоящаго времени,—хотя и не совсѣмъ удачное,—было положено въ Германіи Боннскимъ изданіемъ византийскихъ историковъ. Начатое по мысли и подъ руководствомъ Нибура въ 1828-мъ году, оно потомъ было продолжено Берлинской Академіей и обнимаетъ собой пока 49 томовъ, изъ которыхъ послѣдній падаетъ на 1878-й годъ. Нибуръ возлагалъ блестящія надежды на возбужденное имъ ученое предпріятіе; онъ хотѣлъ его сдѣлать „für die Philologie und Geschichte höchst erheblichen, für unsere Nation ruhmvollen“. Но интересы къ изученію византийской исторіи были пока еще слабы въ ученomъ мірѣ; большая часть сотрудниковъ Нибура относилась къ начатому имъ дѣлу равнодушно или даже прямо отказывались отъ участія въ немъ,—и надежды Нибура не оправдались. Боннское изданіе, за нѣкоторыми исключеніями, оказалось пере-

1) Fallmerayer. Geschichte d. Kaiserthums von Trapesunt. München.

2) Geschichte d. Halbinsel Morea während d. Mittelalter, 2 B., 1830—1835.

печаткой стараго Парижскаго собранія XVII в. съ его индексами и комментаріями, такъ что во Франціи, гдѣ экземпляры Парижскаго изданія, составляющаго теперь уже библиографическую рѣдкость, болѣе доступны для пользованія, чѣмъ въ другихъ странахъ, ученые до сихъ поръ предпочитаютъ слѣдовать въ цитациі Парижскому изданію, да и сами нѣмцы рекомендуютъ Боннскій „Corpus“ лишь „изъ практическихъ основаній“ ¹⁾. Но каковы бы ни были ученія достоинства его, уже одно появленіе этого новаго и многотомнаго изданія византійскихъ историковъ само по себѣ представляло фактъ важный въ развитіи византологіи и указывало на возрождающееся среди ученыхъ вниманіе къ прошлому Византіи. Впрочемъ, подъемъ византинистическихъ интересовъ, о которомъ свидѣтельствовали труды Боннскихъ издателей, и въ Германіи подвигался медленными шагами, такъ что за всю первую половину настоящаго столѣтія мало можно указать болѣе или менѣе солидныхъ изслѣдованій, относящихся къ Византійской имперіи, если не считать предпринятаго усиліями отдѣльныхъ филологовъ изданій разныхъ сочиненій византійскихъ писателей, — изданій, озаглавленныхъ обычнымъ „Anecdota Graeca“ и имѣющихъ значеніе болѣе для филологіи, чѣмъ для исторіи, какъ-то Bekker'a ²⁾, Мустокида ³⁾, Бахмана ⁴⁾, Voissonad'a ⁵⁾, Cramer'a ⁶⁾ и др. Въ 1830-мъ году Zinkeisen началъ было составлять полный курсъ исторіи Греціи, куда исторія Византійской имперіи должна была войти, какъ необходимая часть первой, и въ 1832-мъ году выпустилъ въ свѣтъ первую часть ⁷⁾, доводящую рассказъ до походовъ короля Рожера на Византію, но его трудъ такъ и остановился на этомъ первомъ томѣ, да и научныхъ достоинствъ онъ имѣлъ столь мало, что теперь забытъ почти всеѣми. Все-таки 30-е годы вообще были для византологіи време-

1) Krumbacher. Geschichte d. Byzantinischer Literatur, München, 1891, s. 35.

2) Berlin, 1814—1821.

3) Venedig, 1816.

4) Leipzig, 1828—1829.

5) Paris, 1829—1833.

6) Oxford, 1835—1837; 1839—1841.

7) Zinkeisen. Geschichte Griechenlands, I Theil, Leipzig, 1832.

немъ довольно значительныхъ успѣховъ: о работахъ Фалльмерайера, падающихъ на эти годы, мы уже говорили. Если сочиненія этого публициста шумомъ, который они вызвали, много содѣйствовали распространенію интереса къ европейскому Востоку, то въ научномъ отношеніи гораздо ббльшій шагъ впередъ былъ сдѣланъ учеными трудами Цахаріэ-фонъ-Лингентала, посвятившаго свою дѣятельность на изученіе греко-римскаго права ¹⁾). Не довольствуясь изданнымъ и рукописнымъ матеріаломъ по этой части, хранящимся въ западныхъ библіотекахъ, этотъ ученый едва-ли не первый догадался обратиться къ обследованію книгохранилищъ восточныхъ монастырей, и его сочиненія, изъ которыхъ „Исторія греко-римскаго права“ вышла недавно уже третьимъ изданіемъ ²⁾), не смотря на множество новыхъ документовъ, открытыхъ послѣ ихъ появленія, остаются классическими по относящимся къ ихъ области вопросамъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ своею поѣздкою на Аоонъ и сдѣланными тамъ пріобрѣтеніями, Цахаріэ указалъ ученымъ цѣлыя научныя сокровища, давно ждавшія изслѣдованія, и съ этихъ поръ монастыри Востока становятся средоточнымъ пунктомъ, къ которому устремляется вниманіе византологовъ и откуда они полною рукою черпаютъ разнаго рода ученныя новинки ³⁾).

Свое широкое развитіе византизмъ получаетъ со второй половины нашего столѣтія. Къ этому времени къ нѣмецкимъ изслѣдователямъ присоединяются французскіе и греческіе ученые, и число появляющихся сочиненій по части византсвѣдѣнія возрастаетъ въ количественномъ и качественномъ отношеніи. Во Франціи византизмъ имѣлъ для себя почву, прекрасно подготовленную еще трудами ученыхъ XVII вѣка; философія XVIII вѣка здѣсь только задержала проявленіе византофильскихъ традицій, но не могла изгладить ихъ совершенно. Такъ, еще въ 1809 году Па-

1) Объ ученыхъ работахъ византиниста Тафеля, начало которыхъ падаетъ на эти же годы, см. статью акад. Куника въ Ученыхъ Запискахъ Академіи Наукъ по 1-му и 3-му отдѣл., т. II-й, 1854, стр. 444--454.

2) Zachariä von Lingenthal. Geschichte d. griechisch—romischen Rechts. Dritte verbesserte Auflage. Berlin, 1892.

3) Въ 40-хъ годахъ на Аоонѣ работали уже ученые разныхъ національностей: Дидронъ изучалъ здѣсь христіанское искусство; преосв. Порфирій Успенскій и Фалльмерайеръ извлекали матеріалы для исторіи Востока.

рижской Академіей была предложена на конкурсъ премированная тема, относящаяся къ изученію одной изъ самыхъ интереснѣйшихъ эпохъ византійской исторіи ¹⁾, слѣдствіемъ чего и явилось сочиненіе Вилькена ²⁾, удостоенное назначенной премии. Затѣмъ, въ 1824-мъ году здѣсь было принято новое изданіе сочиненія Лебо (Le Beau) „Histoire du Bas-empire“ ³⁾, производившееся подъ надзоромъ Сень-Мартена и М. Броссе и оконченное въ 1836-мъ году. Лишенная крупныхъ научныхъ достоинствъ, но живо и развязно составленная, эта компиляція византійскихъ источниковъ давала очень подробныя и занимательныя свѣдѣнія о внѣшнихъ судьбахъ имперіи и должна была много содѣйствовать расширенію интереса къ средневѣковому Востоку. Съ своей стороны французское правительство не отказывало въ покровительствѣ и денежной помощи предприимчивымъ ученымъ, отправлявшимся въ Турцію, Испанію и Италію для ознакомленія съ средне-греческими рукописями и извлеченія изъ нихъ рукописнаго матеріала. Развитію византизма здѣсь помогали и ученые и учебныя учрежденія въ родѣ французской аѳинской школы (L'École française d'Athènes), воспитанники которой поощряются къ изслѣдованію византійскихъ памятниковъ. Вообще заслуги Франціи въ этой области, увеличивавшіяся съ каждымъ десятилѣтіемъ цѣнными изданіями и учеными разысканіями, ни въ какомъ случаѣ не менѣе заслугъ германскихъ византистовъ. Особенное же оживленіе въ византологію внесено было греческими учеными: ихъ дѣятельностью не только былъ расширенъ объемъ матеріала, занимавшаго собой западныхъ ученыхъ, но и самыя задачи византійскихъ занятій были поняты въ болѣе глубокомъ смыслѣ. Они уже не довольствовались изученіемъ памятниковъ, имѣющихъ прямой, такъ сказать, очевидный историческій интересъ, но поставили своею цѣлію собраніе и изслѣдованіе всего, что осталось отъ Византіи въ хранилищахъ манускриптовъ, въ живомъ преданіи народа, въ памятникахъ искусства, надписяхъ

¹⁾ Именно: „критическій разборъ источниковъ, относящихся къ исторіи Алексея Комнина и трехъ царей, за нимъ слѣдовавшихъ“.

²⁾ *Wilken. Rerum ab Alexio I, Joanne, Manuele et Alexio II Comnenis gestarum libri IV.* Heidelbergae, 1811.

³⁾ Первое изданіе было сдѣлано въ Парижѣ въ 1757—1784 гг.

и пр. Исторія Византіи—это было ихъ ближайшее прошлое, а потому естественно, что они дорожили всѣмъ, что имѣло какое-либо отношеніе къ нему, что могло освѣтить собой какую-либо черту въ жизни Византійской имперіи. При ихъ содѣйствіи византійская исторія начала получать всестороннюю и объективную разработку: предпринято было изданіе документовъ византійской административной дѣятельности, разнаго рода актовъ и протоколовъ; извлечены были изъ книгохранилищъ рѣчи, похвальныя слова и письма византійцевъ; важнѣйшія бібліотеки Востока подвергнуты обстоятельному изслѣдованію и хранящійся въ нихъ матеріалъ приведенъ въ общую извѣстность рядомъ описаній, не оставлены безъ вниманія даже исторія византійскаго романа и сохранившіяся въ народномъ обращеніи пословицы и загадки. Разливавшійся широкимъ потокомъ византизмъ, можно сказать, съ каждымъ годомъ захватывалъ своимъ теченіемъ новыя и новыя силы, такъ что одинъ перечень сочиненій по части византьевѣдѣнія, появившихся съ 50-хъ годовъ настоящаго столѣтія отдѣльно и въ разныхъ повременныхъ изданіяхъ, могъ бы составить довольно солидную справочную книгу. Впрочемъ, до самыхъ послѣднихъ лѣтъ мы напрасно стали бы искать какой-либо внутренней связи между трудами византинистовъ: византологи работали отдѣльно другъ отъ друга, слѣдуя своимъ національнымъ и личнымъ симпатіямъ, безъ всякаго общаго плана. Такъ, нѣмецкіе и греческіе ученые сосредоточили свое вниманіе главнымъ образомъ на критической разработкѣ источниковъ Византійской имперіи, на изслѣдованіи и опубликованіи рукописнаго матеріала. Французскіе же заняты преимущественно изученіемъ внутренняго строя Византіи, существовавшаго въ ней порядка управленія и состоянія искусствъ и наукъ; такъ что самыя лучшія монографіи по внутренней исторіи Византіи вышли изъ-подъ пера именно французскихъ изслѣдователей. Напротивъ, итальянскіе византисты, по чисто національнымъ соображеніямъ, интересуются почти исключительно вопросами о византійскихъ отношеніяхъ и византійскомъ вліяніи въ Италіи и Сициліи.

Не вдаваясь въ подробное перечисленіе трудовъ по византологіи, вышедшихъ за послѣднія десятилѣтія, отмѣтимъ только важнѣйшія явленія въ этой области. Въ ряду сбор-

никовъ, содержащихъ въ себѣ матеріалы для исторіи Византійской имперіи, на первомъ мѣстѣ должно быть поставлено изданіе Миклошича и Мюллера, выпущенное въ Вѣнѣ въ 6-ти томахъ между 1860—1890 гг. подъ заглавіемъ: „acta et diplomata Graeca medii aevi“. Приготовленное съ помощію греческихъ ученыхъ, изслѣдовавшихъ бібліотеки восточныхъ монастырей, это изданіе заключаетъ въ себѣ громадное число документовъ, въ высшей степени важныхъ для возсозданія внутренней исторіи Византіи: сюда входятъ указы византійскихъ императоровъ, распоряженія патріарховъ, переписка политическаго содержанія, акты судебныхныхъ процессовъ, правила монастырской жизни и другой подобнаго рода матеріалъ, знакомящій насъ съ интимными сторонами византійской жизни. Подобный же характеръ носить и сборникъ, изданный греческимъ ученымъ Константиномъ Саею въ Венеціи и Лейпцигѣ въ 1872—1890 гг., въ девяти томахъ, подъ именемъ „Μεσαιωνική βιβλιοθήκη“; помимо различныхъ мелкихъ документовъ и памятниковъ археологическаго и историческаго значенія, въ сборникѣ Саеи встрѣчаются цѣлыя, въ первый разъ изданныя сочиненія византійскихъ писателей, какъ напр. Михаила Пселла, хроника Махеры и Бустроіи и пр. Какъ исправленія и дополненія къ Боннскому корпусу византійскихъ историковъ и хронистовъ, должны быть отмѣчены труды Мюллера, Диндорфа и Де-Боора, изъ которыхъ первый издалъ въ 1868—1870 гг. въ Парижѣ „Fragmenta historicorum graecorum“, куда помѣстилъ, между прочимъ, и армянскихъ историковъ въ французскомъ переводѣ, второй напечаталъ, въ т. н. Тейбнеріанской бібліотекѣ критически-обсѣдованный текстъ мелкихъ византійскихъ историковъ подъ заглавіемъ „Historici Graeci minores“, а третій подарилъ наукѣ образцовое изданіе хроники Теофана ¹⁾. Немаловажное значеніе для разработки византійской исторіи имѣютъ также изданныя въ послѣднее время сочиненія различныхъ византійскихъ писателей, ихъ похвальныя слова, рѣчи и письма; такъ Ламбръ издалъ въ Аѳонахъ въ 1879—1880 гг. сочиненія Михаила Акомината ²⁾, Lagarde сочиненія Іоанна,

¹⁾ 2 voll., Leipzig, 1883 · 1885.

²⁾ *Μικαὴλ Ἀκομινάτου τοῦ Χωνιάτου τὰ σωζόμενα, ἐν Ἀθήναις, 1879—1880.*

митроп. Евхаитскаго ¹⁾ Три письма Максима Плануда ²⁾, Саккеліонъ опубликовалъ письма царя Романа ³⁾, Noiret тоже выполнилъ въ отношеніи къ письмамъ Михаила Апостолія ⁴⁾. Рядъ подобнаго рода цѣнныхъ изданій и матеріаловъ можно читать въ греческомъ журналѣ „Аѳиней“ ⁵⁾. Впрочемъ, кажется, давно уже прекратившемъ свое существованіе, и въ особенности въ *Ἐλλειον τῆς ιστορικῆς καὶ ἐθνολογικῆς εταιρίας τῆς Ἑλλάδος*, т. е. въ запискахъ греческаго историческаго и этнологическаго общества, учрежденнаго въ 1882-мъ году въ Аѳинахъ и имѣющаго своею цѣлю, — какъ это значится во 2-й статьѣ его устава, — собраніе историческихъ и этнологическихъ матеріаловъ и разнородныхъ предметовъ, содѣйствующихъ разъясненію средней и новой греческой исторіи и филологіи, жизни и языка греческаго народа ⁶⁾.

Несравненно менѣе даетъ намъ современная византологія такихъ трудовъ, которые бы содержали въ себѣ не матеріалъ, а обработку этого матеріала въ стройное изложеніе состоянія Византійской имперіи въ ту или другую эпоху ея существованія. Монографій по византійской исторіи въ западной наукѣ вообще не много, а хорошихъ монографій и очень мало. Къ этимъ послѣднимъ, безъ сомнѣнія надо отнести монографію Rambaud „Имперія греческая въ X вѣкѣ“, ⁷⁾ обзорѣвающую правленіе Константина Порфирогенета, и монографію Schlumberger'a „Никифоръ Фока“, ⁸⁾ выдающеюся, между прочимъ, и своею внѣшностью. То, что составляетъ отличительную черту обѣихъ упомянутыхъ

¹⁾ Iohannis Euchaitorum metropolitae quae supersunt... Paulus de Lagarde edidit, Gottingae 1882.

²⁾ Maximī Planudi epistolae, Uratislaviae, 1890. Имъ же сдѣлано изданіе трехъ рѣчей Никифора Хризоберга, Breslau, 1892.

³⁾ In „Ἐλλειον“, В. I, 666—675; II, 38—48, 385.

⁴⁾ Lettres inédites de Michel Apostolis, Paris, 1892.

⁵⁾ Перечень важнѣйшихъ статей по византологіи, напечатанныхъ въ журналѣ Аѳиней за десять лѣтъ его существованія (1872—1882) г. см. въ Ж. М. Н. Пр. 1883 г., Декабрь. Здѣсь же данъ и переводъ нѣкоторыхъ любопытныхъ документовъ.

⁶⁾ См. Ж. М. Н. Пр., 1883, Окт., стр. 294—304.

⁷⁾ L'empire Grec au dixième siècle, Paris, 1870.

⁸⁾ Nicéphore Phocas Paris 1890.

монографій,—это не только хорошее знакомство съ политической, военной, общественной и церковной жизнью разсматриваемыхъ эпохъ, но и живое изображеніе лицъ и событій, хотя въ нѣкоторыхъ случаяхъ оно и переходитъ въ крайность, въ которой трудно отличить историка отъ романиста. Тому же Schlumberger принадлежитъ другое солидное изслѣдованіе, изданное имъ въ Парижѣ въ 1884 г. подъ заглавіемъ „Сигиллографія въ Византійской имперіи“¹⁾ гдѣ авторъ открываетъ совершенно новый путь къ изслѣдованію внутренняго состоянія Византійской имперіи и въ частности ея административной системы чрезъ разсмотрѣніе сохранившихся до нашего времени печатей. Наконецъ, цѣлый рядъ монографій, обозрѣвающихъ дѣятельность греческихъ гуманистовъ XIV, XV и XVI вв. данъ Леграномъ, который и доселѣ продолжаетъ неутомимо трудиться въ этой области.

Объективное и всестороннее изученіе византійскихъ памятниковъ и отдѣльныхъ эпохъ въ жизни Византіи, какъ свой ближайшій результатъ, необходимо должно было повлечь за собой измѣненіе въ установившемся у историковъ воззрѣніи на характеръ византійской исторіи. Съ 70-хъ годовъ на Западѣ стали раздаваться голоса о самостоятельномъ значеніи византійской исторіи, о важности византійскихъ занятій; слышались рѣчи даже о культурномъ вліяніи Византіи на Западъ²⁾. Противъ того мнѣнія, что византійская исторія представляетъ собой одинъ непрерывный процессъ упадка и разрушенія первый изъ западныхъ ученыхъ возсталъ Гельцеръ³⁾, извѣстный также рядомъ трудовъ по изученію византійскаго матеріала; за нимъ по-

1) Sigillographie de l'empire Byzantin. Paris, 1884.

2) Первое слово объ этомъ принадлежитъ, кажется, греку Bikélas; подлиннаго заглавія его сочиненія мы не знаемъ (если только оно написано первоначально на греч. яз.); въ 1878 г. его сочиненіе появилось во французскомъ переводѣ Леграна и нѣмецкомъ — Вагнера (Die Griechen d. Mittelalters und ihr Einfluss auf d. europaische Kultur. Güteslohn, 1878); не много позднее сдѣланъ былъ и англійскій переводъ лордомъ Буте (Paisley, 1890). Недавно это сочиненіе вышло новымъ изданіемъ въ сборникѣ „Bikélas, La Grèce byzantine et moderne, Paris, 1893“.

3) Geizer, Die politische und kirchliche Stellung von Byzanz. Leipz., 1878. (in Verhandlungen der. 53 Versammlung. deut. Philol.)

слѣдовали Якоби ¹⁾ и Доллингеръ ²⁾, изъ которыхъ послѣдній напечаталъ цѣльную статью о вліяніи греческой литературы и культуры на западный міръ въ средніе вѣка, — статью, состоящую, впрочемъ, изъ однихъ общихъ разсужденій. Но всего яснѣе этотъ поворотъ выразился въ византологическихъ работахъ Крумбахера и прежде всего въ его „Исторіи византійской литературы“ ³⁾. Въ исторіи византологіи значеніе указанной работы Крумбахера состоитъ не только въ томъ, что въ ней дана цѣльная и систематически изложенная исторія литературной производительности средневѣковыхъ Грековъ ⁴⁾, но главнымъ образомъ въ той точкѣ зрѣнія, съ какой разсматривается эта производительность въ книгѣ Крумбахера. Крумбахеръ энергично возстаётъ противъ того взгляда, по которому византійская литература является только придаткомъ классической, плохой копіей, постепенно вырождающимся видомъ ея; онъ не видитъ никакихъ основаній для подобныхъ сужденій и прямо утверждаетъ, что пренебрежительное отношеніе къ ней коренится лишь въ поверхностномъ изученіи этой литературы. Въ глазахъ Крумбахера византійская литература, равно какъ и вообще исторія Византіи, имѣетъ самостоятельный и глубокій интересъ и не можетъ быть обойдена ученымъ вниманіемъ безъ ущерба для исторической науки, — что и подтверждается въ его трудѣ рядомъ интересныхъ наблюденій. Съ еще большимъ убѣжденіемъ тоже воззрѣніе на византійскую исторію Крумбахеръ раскрываетъ въ предисловіи къ основанному имъ въ 1892 году журналу „Byzantinische Zeitschrift“ . посвященному, какъ показываетъ уже самое названіе, изученію Византіи и ея исторіи. Упрекая своихъ соотечественниковъ въ поверхностномъ знакомствѣ съ Византійской имперіей, Крумбахеръ разсматриваетъ здѣсь византійскую исторію, какъ самостоятельный членъ въ общемъ ходѣ исторіи человѣчества, и обсуждаетъ „византистику“, какъ науку новую, живую, богатую будущимъ, подробно

¹⁾ Jacobi. Die klassische Bildung im Mittelalter, Allg. Zeit., 1881, 2122. 2139.

²⁾ Döllinger. Einfluss d. griechischen Literatur und Kultur auf d. abendlandische Welt im Mittelalter, Acad. Vortr., I, München, 1890.

³⁾ Krumbacher. Geschichte d. byzantinischen Literatur, München, 1891.

⁴⁾ См. Ж. М. Н. II., 1893.

указывая отношеніе ея къ прочимъ областямъ знанія. Журналъ Крумбахера и долженъ служить органомъ этой новой науки и своею цѣлію имѣеть внести единство и общій планъ въ работы византинистовъ. Потребность въ такомъ объединяющемъ византійскія занятія органѣ давно уже чувствовалась учеными византологами ¹⁾ и въ отсутствіи его справедливо видѣли одну изъ причинъ недостаточныхъ успѣховъ по изученію Византіи ²⁾. Предпріятіе Крумбахера устраняетъ, такимъ образомъ, одно изъ самыхъ больныхъ мѣстъ въ состояніи византинистики и безъ преувеличенія можетъ быть названо дѣлающимъ эпоху въ развитіи послѣдней. Сообразно со своею задачей журналъ Крумбахера носитъ характеръ интернаціональный: онъ издается при содѣйствіи нѣмецкихъ, французскихъ, греческихъ, англійскихъ, итальянскихъ и русскихъ ученыхъ и въ вышедшихъ доселѣ книжкахъ его можно встрѣтить статьи на всѣхъ языкахъ, которыми говорятъ эти ученые, за исключеніемъ, однако, русскаго.

При посредствѣ журнала Крумбахера въ общую семью европейскихъ византинистовъ вошли и русскіе византологи, дотоѣ особнякомъ работавшіе надъ изученіемъ Византіи, и ихъ труды встрѣчены благими пожеланіями. Русскій византизмъ—явленіе столь естественное и самопонятное, что можно только пожалѣть о томъ, что онъ слишкомъ поздно начинаетъ пріобрѣтать для себя прочныя основы. Академія Наукъ изслѣдованіями Байера, Шлецера, Круга, Куника и др., а также предложеніемъ темъ по византологіи и поощреніемъ частныхъ трудовъ съ давнихъ поръ употребляла мѣры къ оживленію у насъ византійскихъ занятій и облегченію ученыхъ предпріятій на этомъ поприщѣ, но до 40-хъ годовъ эти мѣры не влекли за собой осязательныхъ результатовъ. Въ этихъ годахъ почти въ тоже время, какъ нѣ-

¹⁾ Еще въ 1886 г. проф. Успенскій въ запискахъ Авинскаго историческаго и этнологическаго Общества предлагалъ учредить для сношеній съ византизмомъ византійское международное общество съ посвященнымъ его работамъ центральнымъ органомъ. См. его статью „*Zήτηματα προς μελέτην τ. εσωτερικῆς ἱστορίας τ. Βυζαντινοῦ χρατοῦς*“ въ *Δελτιον*, II, 551.

²⁾ См. Успенскій. „Византія“ въ энциклоп. слов., изд. Бронгаузомъ и Ефрономъ, т. VI, 260.

сколько молодыхъ ученыхъ отправлено было въ славянскія земли съ тѣмъ, чтобы приготовиться къ занятію вновь учрежденныхъ въ университетахъ кафедръ по славянской филологіи, архим. Порфирій Успенскій былъ посланъ въ страны христіанскаго Востока съ цѣлю ознакомленія съ состояніемъ тамошнихъ православныхъ церквей. Эта поѣздка архим. Порфирія на Востокъ и положила начало изысканіямъ, совершеннымъ русскими учеными въ области византизма, палестиновѣдѣнія и вообще всего, что касается христіанскаго Востока. Прекрасно подготовленный къ ученымъ занятіямъ и обладавшій выдающимся трудолюбіемъ, преосв. Порфирій сумѣлъ воспользоваться своими странствованіями по Востоку для приобрѣтенія обширной ученой добычи въ видѣ цѣнныхъ рукописей и документовъ историческаго значенія, и самъ, какъ извѣстно, составилъ не мало разнообразныхъ сочиненій. Хотя главное свое вниманіе Порфирій обращалъ на современное ему положеніе христіанскихъ церквей на Востокѣ и на ихъ исторію, тѣмъ не менѣе въ вывезенныхъ имъ изъ восточныхъ книгохранилищъ документахъ скрывается много матеріала, цѣннаго для исторіи Византіи, а сдѣланныя имъ описанія рукописей, хранящихся въ различныхъ восточныхъ монастыряхъ, признаются еще и доселѣ имѣющими важное научное значеніе ¹⁾, не смотря на изданные въ послѣднее время греческими учеными каталоги монастырскихъ библиотекъ. Нельзя сомнѣваться, что богатая коллекція рукописей преосв. Порфирія оказала бы самое плодотворное вліяніе на развитіе у насъ византійскихъ занятій, если бы она могла быть издана въ свое время. Съ другой стороны, и путешествія нашихъ славистовъ для изученія славянскаго Востока оставили глубокіе слѣды въ исторіи русскаго византизма. Изучать славянскій Востокъ часто оказывалось невозможнымъ безъ изученія Византіи,—и вотъ почему еще Григоровичъ настойчиво проводилъ мысль о значеніи Византіи въ славянской исторіи и питалъ надежду объединить при Одесскомъ университетѣ византійскія, славянскія и румынскія занятія ²⁾. Съ 60-хъ годовъ русскій византизмъ ста-

¹⁾ См. П. Сырку. Описаніе бумагъ епископа Порфирія Успенскаго, пожертвованныхъ ему въ Импер. Академію Наукъ. СПб 189 . VIII.

²⁾ О. Успенскій. Воспоминанія о Григоровичѣ. Одесса. 1890.

новится явленіемъ замѣтнымъ и пробиваетъ себѣ путь съ разныхъ сторонъ. Еще въ 40-хъ годахъ бывшая Россійская Академія предлагала нѣкоторымъ изъ нашихъ эллинистовъ перевести на русскій языкъ византійскихъ историковъ, но за закрытіемъ Академіи предпріятіе это не состоялось въ свое время, хотя нѣкоторая часть переводовъ и была приготовлена. Въ 1858-мъ году о существованіи этихъ рукописныхъ переводовъ сдѣлалось извѣстнымъ Духовному Вѣдомству, которое и приняло издержки по ихъ изданію на свой счетъ, вслѣдствіе чего съ 1860-го года и приступлено было къ печатанію готовыхъ переводовъ⁴⁾. Это полезное дѣло въ тѣ же годы продолжено было С.-Петербургскою духовною Академіей, благодаря которой важнѣйшіе изъ средневѣковыхъ византійскихъ историковъ увидѣли себя въ русскомъ переводѣ. Начавшій развиваться русскій византизмъ скоро нашелъ себѣ поддержку въ высшихъ духовныхъ и свѣтскихъ учебныхъ учрежденіяхъ. На первыхъ порахъ вниманіе русскихъ византологовъ сосредоточилось на изученіи внутренняго состоянія Византійской имперіи: такъ духовныя академіи въ лицѣ нѣкоторыхъ изъ своихъ профессоровъ, какъ напр. И. Е. Троицкаго и А. П. Лебедева, которымъ принадлежитъ рядъ интересныхъ статей, цѣнныхъ изслѣдованій, или же очерковъ, а также трудами, вышедшими изъ-подъ пера ихъ воспитанниковъ (Скабалановичъ и др.) внесли значительный вкладъ главнымъ образомъ въ разработку состоянія церкви, церковной литературы и просвѣщенія въ Византіи, при чемъ, по тѣсной связи церкви и государства въ Византіи, разслѣдованіе указанныхъ предметовъ не могло оставить не затронутою и т. н. гражданскую исторію. Затѣмъ, въ половинѣ 60-хъ же годовъ при нашихъ университетахъ учреждена была кафедра церковнаго законовѣдѣнія, то есть, такой науки, построеніе которой не мыслимо безъ изученія византійскаго церковнаго законодательства. Что введеніе этой науки въ программы университетскаго курса не осталось безъ вліянія на византистику, это всего лучше можно видѣть на примѣрѣ проф. Павлова съ его цѣнными

⁴⁾ См. предисловіе къ „Византійскіе историки: Дексиппъ, Эвнпій и др.“ въ рус. пер. СПб. 1860.

ислѣдованіями по части византійскаго законодательства. Къ 70-мъ годамъ центромъ византизма становится С.-Петербургскій университетъ, а органомъ его Журналъ Минист. Народнаго Просвѣщенія, и доселѣ охотно открывающій свои страницы византологамъ. Развитію византійскихъ занятій при Петербургскомъ университетѣ всего болѣе содѣйствовало одновременное преподаваніе въ немъ такихъ извѣстныхъ своими симпатіями къ Востоку профессоровъ, какъ Васильевскій, Ламанскій и Дестунисъ; въ особенности заслуга въ этомъ отношеніи должна быть признана за ученой дѣятельностью проф. Васильевского. Прекрасно знакомый съ исторіей Византіи, владѣющій свободно всѣмъ обширнымъ матеріаломъ, относящимся къ ея области, проф. Васильевскій каждою своею статьею,—а ихъ очень значительное число,—открываетъ новые горизонты для византистики, и его работы вносятъ порядокъ и свѣтъ туда, гдѣ напрасно до него трудились другіе ученые. Въ школѣ этого византиста воспитался и другой извѣстный нашъ византологъ,—проф. Успенскій, перенесшій византійскія занятія изъ Петербурга въ Новороссійскій университетъ. Но до 80-хъ годовъ русскіе византисты раздѣляли участь, общую съ западными учеными, работавшими надъ изученіемъ Византіи: они стояли отдѣльно другъ отъ друга и ихъ работы не имѣли между собой внутренней связи. Починъ къ объединенію византійскихъ занятій впервые сдѣланъ былъ у насъ Палестинскимъ Обществомъ, открытымъ 21-го Мая 1882-го года, которое и сгруппировало въ своихъ „сборникахъ“ работы византистовъ (Васильевского, Дестуниса, Помяловскаго, Пападопуло Керамевса), обратившихся къ издательской дѣятельности, и дало возможность появленію на свѣтъ такихъ трудовъ, какъ „Каталогъ Іерусалимской бібліотеки“¹⁾ и „Іерусалимскій изборникъ“²⁾, составленные Пападопуломъ-Керамевсомъ и изданные на средства Общества. Но это участіе нашихъ византистовъ въ ученыхъ предпріятіяхъ Палестинскаго Общества, по самой его задачѣ, должно было ограничиваться лишь тѣмъ, что имѣло такое

¹⁾ „*Ἱεροσολυμιτικὴ Βιβλιοθήκη, ἐκδοθεῖσα μετὰ ἀναλόμασι τοῦ Ἀυτοκράτορος ὀρθοδόξου Παλαστίνου Σολλόγου, συναχθεῖσα δὲ ὑπὸ Α. Παπαδοπούλου-Κεραμεως. Ἐν Πετροπόλει, 1891.*

²⁾ „*Ἀναλέκτα Ἱεροσολυμιτικῆς σταυρολογίας. Ἐν Πετροπόλει, 1891.*

или иное отношеніе къ св. землѣ. Какъ бы въ восполненіе этого недостатка, въ 1892-мъ году при Новороссійскомъ университетѣ по инициативѣ Успенскаго было открыто кружкомъ профессоровъ, занимающихся изученіемъ Византіи (Красносельцевъ, Кирпичниковъ, Кондаковъ), специально „Византійское отдѣленіе Историко-филологическаго Общества“, заявившее о своемъ существованіи изданнымъ въ томъ же году первымъ томомъ своихъ трудовъ, заключающимъ рядъ интересныхъ статей разнообразнаго содержанія. Какъ слышно, подобное же отдѣленіе имѣеть быть открыто въ недалекомъ будущемъ и при С.-Петербургскомъ университетѣ. Все это располагаетъ думать, что дальнѣйшія судьбы русскаго византизма обезпечены, какъ уже упрочено и его почетное мѣсто въ западной наукѣ ¹⁾.

Если теперь обратиться къ рѣшенію вопроса относительно характеристической черты въ состояніи современной византологіи, то отвѣтъ на него легко можно читать въ представленномъ очеркѣ научнаго движенія въ области византѣвѣдѣнія. Изслѣдованіе матеріаловъ и оцѣнка ихъ въ связи съ установкой отдѣльныхъ фактовъ—вотъ основной характеръ этой отрасли исторической науки въ настоящемъ періодѣ ея развитія. Въ то время какъ надъ изданіемъ и обсужденіемъ письменныхъ памятниковъ Византіи трудиться цѣлая фаланга ученыхъ, монографіи, какъ мы видѣли, представляютъ собой явленіе рѣдкое въ византистикѣ; тѣмъ меньшее число можно указать общихъ курсовъ по исторіи Византійской имперіи. Какъ мало въ этомъ отношеніи дѣло двинулось впередъ, это достаточно ясно изъ того, что сочиненіе Гиббона „Исторія упадка и разрушенія римской имперіи“, вышедшее первымъ изданіемъ въ Лондонѣ въ 1776—1788 гг., еще доселѣ, то есть, спустя болѣе чѣмъ сто лѣтъ остается не вполне замѣненнымъ. Въ нынѣшнемъ

¹⁾ См. Krumbacher, *Geschichte Byzant. Liter.*, s. 29; et. *Byzantin. Zeitschr.*, I, 6. 9. 185. Къ вышеуказанному нужно еще прибавить, что въ непродолжительномъ времени, по достовѣрнымъ слухамъ, будетъ открытъ въ Константинополѣ русскій археологическій институтъ, уставъ котораго уже выработанъ. Руководство института, по тѣмъ же слухамъ, будетъ вручено проф. Ф. И. Успенскому, извѣстному знатоку византійской наукъ. Заниматься наукой въ немъ будутъ какъ стипендіаты университетовъ, такъ и *духовныя академіи*. По истинѣ отрадно!

столѣтіи лучшую работу по обзору главнѣйшихъ моментовъ византийскаго исторіи далъ соотечественникъ Гиббона Финлей (1799—1876), обнявшій въ своихъ монографіяхъ исторію Греціи отъ завоеванія ея римлянами до настоящаго времени ¹⁾. Близкое знакомство съ географіей и этнографіей Востока, умѣнье выяснитъ политическія отношенія и государственный строй, внимательность къ внутреннему состоянію имперіи и въ особенности къ ея экономическому положенію, — вотъ, коротко, качества, присущія трудамъ Финлея и дѣлающія ихъ до сихъ поръ лучшимъ общимъ сочиненіемъ по исторіи Византіи. Въ недавнее время тоже изъ подъ пера англичанина Бюру вышла „Исторія восточной римской имперіи“, основывающаяся на критическомъ изслѣдованіи источниковъ, но ея содержаніе ограничивается временемъ отъ Аркадія до Ирины (т. е. 395—800 гг.) ²⁾. Обращаясь къ нѣмецкой исторіографіи, мы и здѣсь находимъ нѣсколько работъ, обрисовывающихъ общій ходъ византийскаго исторіи, но изъ нихъ Zinkeisen'a „Исторія Греціи“ мы упоминали, Andlaw'a „Византийскіе императоры“ ³⁾ представляетъ собой слабую компіляцію Гиббона, а Герцбергъ въ своихъ сочиненіяхъ „Исторія Греціи до настоящаго времени“ ⁴⁾ и „Исторія византийскаго и османскаго государства“ ⁵⁾ далъ главнымъ образомъ передѣлку Гопфа, рассчитанную не столько на ученыхъ, сколько на популяризаторскія цѣли. Капитальный трудъ Гопфа, которому слѣдовалъ Герцбергъ, и есть единственно солидная работа по общей исторіи Византіи, встрѣчающаяся въ нѣмецкой исторіографіи; основанная на массѣ архивнаго матеріала, „Исторія Греціи отъ начала среднихъ вѣковъ до нашего времени“ Гопфа отличается самостоятельностью и подробностью, хотя нерѣдко вдается въ мелочи, и слѣдитъ преимущественно

¹⁾ Труды Финлея изданы послѣ его смерти Tozer'омъ подъ общимъ заглавіемъ: „A history of Greece from its conquest by the Romans to the present time, 7 voll., Oxford, 1877.“

²⁾ Bury. A history of the later Roman empire from Arcadius to Irene, 2 vol., London, 1889.

³⁾ Mainz, 1865.

⁴⁾ Gotha, 1876—1878.

⁵⁾ Въ сборникѣ Onken'a., „Allgemeine Geschichte in Einzeldarstellungen“, Berlin, 1883.

за внѣшней исторіей Византіи; къ сожалѣнію, этотъ заслуживающій вниманія трудъ похороненъ въ энциклопедіи Эрша и Грубера ¹⁾. Остается еще упомянуть „Исторію греческаго народа“ Паларигопула, въ которой опираясь на самостоятельныя занятія исторіей Греціи, этотъ ученый даетъ живое и согрѣтое патріотическимъ чувствомъ изложеніе важнѣйшихъ періодовъ въ жизни греческаго народа ²⁾. Итакъ, Финлей, Гонфъ, Паларигопуль и, пожалуй, Гельцбергъ—вотъ и все, что имѣется въ настоящее время цѣннаго для изученія общаго хода византійской исторіи, да и въ этихъ трудахъ прошлая жизнь Византіи разсматривается на ряду съ исторіей Греціи, какъ ея составная часть. Такимъ образомъ, строго говоря, труда, посвященнаго специально изложенію византійской исторіи, мы еще не имѣемъ. И это понятно; въ то время, когда главное вниманіе сосредоточено на изслѣдованіи матеріаловъ, когда усилія ученыхъ направлены на розысканіе документовъ и обоснованіи отдѣльныхъ фактовъ, когда взаимоотношеніе византійскихъ историковъ и хронистовъ и ихъ критическая оцѣнка, не смотря на работы Гельцера ³⁾, Гирша ⁴⁾, Зегера ⁵⁾ и др., еще недостаточно установлены, — публиковать общій курсъ византійской исторіи опасно и преждевременно. Къ тому же, масса цѣнныхъ источниковъ для возсозданія византійской исторіи, въ числѣ которыхъ одно изъ главныхъ мѣстъ занимаютъ житія святыхъ, еще только, такъ сказать, затронута новѣйшими византинистическими работами. Полная и обстоятельная исторія Византіи есть задача будущаго, современная же византологія поставляетъ себѣ болѣе скромную, хотя и не менѣе почтенную цѣль — изготовить все необходимое для лучшаго и прочнаго возведенія зданія византійской исторіи, когда это будетъ возможно по состоянію научныхъ средствъ.

Но если строго-научная и обстоятельная исторія Визан-

¹⁾ Allgemeine Encyclopädie, 85 t., s. 67 fg. Leipzig, 1867.

²⁾ Въ 1887—1888 гг. это сочиненіе вышло уже вторымъ изданіемъ.

³⁾ Gelzer. Sextus Iulius Africanus und die byzant. Chronographie, Leipzig, 1885.

⁴⁾ Hirsch. Byzantinische Studien, Leipzig, 1876.

⁵⁾ Seger. Byzantinische Geschichtsschreiber des 10 und 11 Jahrh., München, 1888.

тійской имперіи есть дѣло будущаго, то, съ другой стороны, уже и теперь съ достаточною ясностью можно видѣть тѣ важнѣйшіе въ историческомъ отношеніи результаты, къ которымъ привело указанное нами движеніе въ области византологіи. Коренное воззрѣніе, въ которомъ почерпаетъ силу современная византологія, а равно также и внутренний смыслъ ученыхъ предпріятій касательно Византіи покоятся на томъ убѣжденіи, что существованіе Византійской имперіи оставило глубокіе слѣды во всемірной исторіи, что изученіе ея прошлаго для настоящаго времени имѣетъ такое же значеніе, какъ и вообще изученіе средневѣковаго періода въ жизни Европы. Можно сказать, что чѣмъ далѣе въ ширь и глубь шло ознакомленіе съ Византіей, тѣмъ болѣе укрѣплялась та мысль, что Византійская имперія является самостоятельнымъ членомъ въ общемъ ходѣ историческаго развитія, что не только исторія европейскаго Востока, но и исторія Запада можетъ быть правильно понята и объяснена лишь при посредствѣ византійскихъ изслѣдованій.

Первостепенная важность, какую имѣетъ изученіе прошлаго Византіи для исторіи современнаго европейскаго Востока, понятна и очевидна сама собой. Новая Европа подобно средневѣковой, распадается на два міра, различающіеся между собой по народности, общественному строю и церковному вѣроученію. Какъ западный германо-романскій міръ развился и воспитался подъ преимущественнымъ вліяніемъ древняго Рима и идущихъ отъ него традицій, такъ наоборотъ восточный греко-славянскій міръ возросъ подъ преимущественнымъ воздѣйствіемъ Византіи. Отъ Византіи славянскія племена не только получили вмѣстѣ съ христіанствомъ начальные элементы просвѣщенія и гражданственности, но и на всемъ протяженіи времени, пока существовала Византійская имперія, обильно питались тѣми духовными сокровищами, какими обладало это просвѣщеннѣйшее государство среднихъ вѣковъ. Византійская исторія — это, такъ сказать, наше духовное прошлое, оцѣнить и изучить которое есть ближайшая задача русской исторической науки, и если изученіе исторіи въ предѣлахъ, потребныхъ для общаго образованія, должно имѣть національно-воспитательное значеніе, то оно можетъ быть

достигнуто только основательнымъ и всестороннимъ ознакомленіемъ съ исторіей и культурой Византіи. Какъ еще далеко у насъ отъ этого, легко убѣдится всякій, кто взглянетъ въ наши программы и учебные курсы по всеобщей исторіи, составленные подъ влияніемъ западной исторіографіи съ ея исключительнымъ предпочтеніемъ къ германо-романскому племени ¹⁾.

Не такъ ясно значеніе изученія Византіи для пониманія средневѣковой исторіи западнаго міра. По обычнымъ представленіямъ, извлекаемымъ изъ общихъ курсовъ исторіи, Византійская имперія, послѣ принятія франкскими королями титула западнаго римскаго императора и въ особенности послѣ раздѣленія церквей, считается какимъ-то оторваннымъ отъ общей семьи европейскихъ народовъ міромъ, стоящимъ внѣ всякихъ отношеній къ западной жизни, а потому и совершенно безинтереснымъ для пониманія этой послѣдней. Нѣтъ ничего болѣе ошибочнаго, какъ это представленіе о положеніи Византіи въ ряду средневѣковыхъ государствъ! Конечно, Византія развила свою отличную отъ Запада культуру, имѣла своеобразныя учрежденія и свой особенный строй жизни, но она отнюдь не стояла внѣ всякихъ соприкосновеній съ Западомъ. Напротивъ, слѣдуетъ сказать, что ни одно крупное, великое событіе на Западѣ не совершалось безъ такого или иного участія въ немъ Византіи, что исторія той и другой половины Европы развивалась не только аналогично, но и въ постоянномъ взаимодѣйствіи. Начиная съ IX-го вѣка ²⁾ чрезъ все протяженіе среднихъ вѣковъ западные правители и византійскіе императоры находятся

¹⁾ Ср. О. Успенскій.—Зап. Новоросс. унив., т. 16-й, стр. 1—3.—Болѣе подробно о значеніи Византіи для русской исторіи см. въ рѣчи Н. Г. Попова „Объ изученіи византійской исторіи“ (Вогосл. Вѣст. 1893, сент., стр. 338—351).—Въ указанномъ отношеніи открытіе самостоятельной кафедры по византійской исторіи при академіяхъ, откуда выходятъ преподаватели среднихъ духовно-учебныхъ заведеній, было бы дѣломъ весьма полезнымъ и желательнымъ. Существуютъ же кафедры по древней гражданской исторіи и по исторіи западныхъ исповѣданій, тѣмъ естественнѣе учредить кафедру по исторіи того государства, при содѣйствіи котораго православное исповѣданіе закрѣплено было въ твердыя, неизмѣнныя формулы и которому мы обязаны вѣрой, начатками просвѣщенія и гражданственности

²⁾ Для болѣе ранняго времени см. О. Успенскаго вступ. лекц.—Зап. Новоросс. ун., ч. 16-я, стр. 6 сл.

въ частыхъ сношеніяхъ, заключаютъ иногда союзы и договоры, устраиваютъ общія предпріятія и вступаютъ въ родственную связь при помощи браковъ. Если Западъ часто влекло къ Востоку старое благоговѣніе къ прямой наслѣдницѣ величія Римской имперіи и желаніе связать себя съ нею, то Византія въ своихъ отношеніяхъ къ Западу заботилась о болѣе общихъ интересахъ,—о борьбѣ съ племенами, нападавшими на нее и тревожившими западныя окраины. Извѣстно, что еще Карлъ Великій велъ переговоры о бракосочетаніи своей дочери Ротруды съ Константиномъ VI-мъ ¹⁾ и, когда это дѣло не удалось, то онъ самъ былъ не прочь жениться на византійской императрицѣ Иринѣ ²⁾, чтобы соединить въ своихъ рукахъ восточную и западную имперіи. Съ другой стороны, уже въ 839 году послы императора Теофила являлись къ Людовику Благочестивому въ Ингельгеймъ, чтобы просить его о помощи противъ сарацинъ ³⁾, а во второй половинѣ этого вѣка заключенъ былъ даже формальный союзъ между обѣими имперіями ⁴⁾. Эти связи между Востокомъ и Западомъ неограничивались только областью политическихъ интересовъ, но шли гораздо далѣе. Въ послѣднемъ отношеніи замѣчательно правленіе Оттоновъ, считающееся блестящимъ періодомъ саксонской династіи, и въ особенности правленіе Оттоновъ II-го и III-го. Вскорѣ послѣ того, какъ Оттонъ Великій возложилъ на себя корону римскаго императора (2-го февр. 962 г.), онъ рѣшилъ женить своего сына на греческой принцессѣ; византійскій императоръ Никифоръ согласился выдать за него падчерицу Теофану, дочь своего предшественника Романа, и это бракосочетаніе состоялось 14 апр. 972 года. Возбуждавшая восхищеніе своей красотой, умомъ и изяществомъ, Теофану принесла во дворъ нѣмецкихъ императоровъ византійскіе порядки и византійскую образованность. Своему сыну, за малолѣтствомъ котораго Теофану въ теченіи семи лѣтъ (984—991) правила нѣмецкимъ государствомъ, она дала греческое воспитаніе, и От-

¹⁾ Jahrbücher für Fräncisch. Reiches unter Karl d. Grossen von Abel, I, 885; cf. 569. Leipz., 88.

²⁾ Ibid. II, 281. 282.

³⁾ Hirsch, Byzant. Stud., s. 147.

⁴⁾ Веберъ, Всеобщ. Ист. V. 524.

токъ III-й, любившій называть себя грекомъ по рожденію, дѣйствительно, преклонялся предъ культурой Византійской имперіи. „Безъ чужеземнаго вліянія, — говоритъ Веберъ, — образованность нѣмецкаго народа не достигла бы такъ быстро той высоты, до какой она поднялась при саксонскихъ императорахъ, и Оттоны не могли бы стать наследниками умственныхъ стремленій Каролинговъ“¹⁾. Какъ далеко шло греческое вліяніе при устроенномъ по византійскому образцу дворѣ Оттоновъ, это, не говоря о самомъ Оттонѣ III-мъ, хорошо видно изъ того, что даже молодая принцесса занималась изученіемъ греческаго языка, какъ напр. Гедвига, герцогиня швабская, еще въ молодости выучившаяся по гречески, — и это было въ X-мъ вѣкѣ! Неудивительно поэтому, если тотъ же историкъ, слова котораго мы только что привели, выражаетъ опасеніе, что если бы грекамъ удалось въ это время овладѣть Италіей (о чемъ они весьма хлопотали), то это обстоятельство всю западную образованность подчинило бы культурѣ Востока²⁾ т. е. Византіи. Такъ далеко шло иногда воздѣйствіе Византіи на Западъ!

Въ конца XI-го вѣка, въ эпоху крестовыхъ походовъ, составившихся также при ближайшемъ участіи Византіи, сношенія между Востокомъ и Западомъ становятся непосредственными и захватываютъ собой всѣ слои общества. Воздѣйствуя на крестоносцевъ всѣми особенностями своего государственнаго и церковнаго строя, Византія въ то же время являлась естественной посредницей между западно-христіанскимъ міромъ и магометанской Азіей, такъ что многое изъ того новаго, что увидѣли здѣсь крестоносцы, они переняли подъ употребительными въ Византіи греческими названіями, которыя и перешли потомъ въ составъ языка отдѣльныхъ западныхъ народовъ³⁾. Что же касается до крестоносцевъ, поселившихся въ Палестинѣ послѣ ея завоеванія, то среди нихъ царствовало полное смѣшеніе культуръ романской и византійской; греческій языкъ у нихъ былъ въ ежедневномъ употребленіи и перемѣшивался съ латинскимъ не только въ оффиціальныхъ актахъ, но въ культѣ

1) В. И., VI, 160; ср. слова Вайтца, *ibid.*

2) Веберъ, VI, 159.

3) Prutz, *Kulturgeschichte d. Kreuzzüge*, s. 399; Berlin, 1883.

и церковныхъ памятникахъ; даже богослуженіе здѣсь иногда совершалось на двухъ языкахъ¹⁾. Если кто преимущественно долженъ былъ печалиться объ этомъ тѣсномъ сближеніи крестоносцевъ съ византійцами, то это былъ папа. Дѣло въ томъ, что въ разсматриваемую эпоху на Западѣ шла упорная борьба между папами и императорами, и эти послѣдніе, знакомясь непосредственно съ положеніемъ церковныхъ дѣлъ въ Византіи, въ практикѣ ея получали опору своимъ антипапскимъ стремленіямъ. Любопытно то обстоятельство, что уже Генрихъ IV въ борьбѣ съ Григоріемъ VII пользовался денежными пособіями со стороны византійскаго императора Алексѣя²⁾. Когда же нѣмецкіе императоры лично стали принимать участіе въ походахъ въ Палестину, они часто возвращались оттуда зараженными духомъ „греческаго непослушанія“ относительно папы. О Конрадѣ III (1138—1152) папскій канцлеръ прямо писалъ, что онъ „вмѣстѣ съ цареградскимъ императоромъ замышлялъ нанести, если можно, тяжелый ударъ и пораженіе св. римской церкви“, а Фридрихъ II, по его собственному выраженію, искалъ въ борьбѣ съ папой „преимущественно правды грековъ, родственниковъ и друзей (нашихъ), которыхъ папа называетъ нечестивѣйшими и еретиками, хотя они христіаннѣйшій народъ, самый крѣпкій въ вѣрѣ Христовой и самый правовѣрный“³⁾. Замѣтимъ, что и первая массовая оппозиція противъ папства, раздавшаяся на югѣ Франціи въ XIII в., вела свое происхожденіе съ Востока⁴⁾. — Но даже и не говоря о частныхъ историческихъ событіяхъ, которыя лучше и всестороннѣе объясняются при знакомствѣ съ византійской исторіей, и самыя общія явленія средневѣковой западной жизни могутъ быть глубже поняты при сравненіи съ аналогичными явленіями въ Византіи. Въ настоящее время уже выяснено, что такія по-видимому исключительно средневѣковому западу свойственныя явленія, какъ борьба императоровъ съ вельможами, изданіе законовъ, обезпечивающихъ за мелкими собственниками ихъ земельные

¹⁾ См. Prutz, *ibid.*, стр. 400.

²⁾ Веберъ, *Вс. И.*, VI. 320.

³⁾ Подробнѣе см. у О. Успенскаго, *Зап. Новоросс. унив.*, т. 16, стр. 11—17.

⁴⁾ Döllinger. *Beiträge zur Sectengeschichte d. Mittelalters*, München, 1890.

участки, раздача церковныхъ земельныхъ имуществъ во владѣніе частнымъ лицамъ, даже борьба церкви и государства и пр., не только были знакомы Византіи, но и обнимаютъ собой значительную часть внутренней ея исторіи ¹⁾. Сопоставленіе аналогичныхъ отношеній, западныхъ и восточныхъ, несомнѣнно повлечетъ за собой болѣе правильное ихъ обсужденіе и можетъ повести къ весьма любопытнымъ выводамъ.

Если, такимъ образомъ, въ событіяхъ политической жизни средневѣковой Европы Византія принимала столь близкое участіе, что надлежащая оцѣнка и изложенія ихъ возможны только при знакомствѣ съ положеніемъ дѣлъ византійскихъ, то исторія западнаго просвѣщенія и культуры и совсѣмъ не можетъ быть понята внѣ отношеній къ Византіи. Въ этой области Византіи безспорно принадлежитъ заслуга всемірно-историческаго значенія. Отъ эпохи переселенія народовъ до возрожденія классической образованности въ Италиі въ XIV и XV вв., Византія оставалась центромъ просвѣщенія, столицей наукъ, хранительницей книжныхъ сокровищъ, ставшихъ основаніемъ ново-европейской образованности. Въ потокѣ варварскихъ нашествій, охватившихъ Европу съ половины IV-го вѣка, она выполнила великую миссію: сберегла для послѣдующихъ поколѣній безсмертныя творенія античной мысли и своею литературною производительностью связала древнюю науку съ новою. Какъ дорожили на Востокѣ книжными сокровищами, какъ заботливо здѣсь изыскивали средства къ ихъ лучшему сохраненію, объ этомъ прекрасно говоритъ тотъ фактъ, что въ V-мъ вѣкѣ, въ Аѳинахъ даже воздвигли статую нѣкому Филтатію за предложенный имъ наиболѣе надежный способъ склеиванія рукописей ²⁾. Съ IX-го вѣка въ Византіи были начаты занятія сочиненіями классическихъ писателей и почти непрерывно продолжались до эпохи гуманизма, когда греческія музы переселились въ Италію и отсюда разошлись по всей Европѣ. Этими занятіями византійскихъ ученыхъ и былъ подготовленъ для Европы тотъ вѣкъ возрожденія искусствъ и наукъ, которымъ от-

¹⁾ См. Васильевскій, Ж. М. Н. Пр., т. 202; О. Успенскій, *ibid.*

²⁾ По извѣстію историка V в. Олимпиодора, см., Визант. ист. въ переводѣ Дестуниса, СПб., 1861, стр. 204.

крывается новый періодъ исторіи. Извѣстно, что первѣйшіе дѣятели эпохи гуманизма, Петрарка и Боккачіо, своими познаніями въ греческой литературѣ одолжены были Варлааму калабрійцу, проживавшему въ Византіи и извѣстному тамъ своими спорами о Фаворскомъ свѣтѣ, и его ученику Леонтію Пилату, впервые познакомившему Боккачіо съ Гомеромъ, котораго онъ перевелъ на латинскій языкъ ¹⁾. Что виновниками развитія эллинизма на Западѣ въ XIV и XV вв. были переселившіеся сюда византійцы, — это стало уже общепризнаннымъ фактомъ. Сами основатели классической филологіи, Рейхлинъ и Эразмъ Роттердамскій учились греческому языку у грека Гармонида, преподававшего въ Парижѣ при Людовикѣ XI-мъ. Но чтобы понять эпоху гуманизма, для этого необходимо обратиться къ исторіи византійской образованности и просвѣщенія. „Заслуга возрожденія греческихъ занятій на Западѣ, — говоритъ Крумбахеръ, — принадлежитъ не тѣмъ только бѣглецамъ, которые въ XV в. были прибиты политическимъ штурмомъ къ гостепріимнымъ берегамъ Италіи; гуманистическій духъ дѣйствовалъ въ Византіи гораздо ранѣе. Еще въ IX-мъ вѣкѣ онъ ярко свѣтилъ въ блестящемъ лицѣ Фотія, который въ темный и погруженный почти въ варварство вѣкъ внезапно, какъ солнце юга, распространяетъ свои лучи“ ²⁾. О возрожденіи наукъ въ XIV—XV вв. можно поэтому говорить только въ примененіе къ Западу; въ Византіи же гуманизмъ былъ явленіемъ всегда сроднымъ и давно знакомымъ. „Кто въ будущемъ станетъ писать исторію гуманизма, — замѣчаетъ также Крумбахеръ, — тотъ долженъ будетъ обратиться назадъ къ Мосхопулу, Плануду, даже къ Евстаѳію, Пселлу, Ареѳу и Фотію“ ³⁾.

Эпохой гуманизма на Западѣ только блестяще закончилось то воздѣйствіе, какое оказала Византія на просвѣщеніе средневѣковой Европы. Какъ ни мало было тамъ людей, знавшихъ греческій языкъ или имѣвшихъ желаніе съ нимъ ознакомиться, все-же литературный обмѣнъ между Византіей и Западомъ находилъ себѣ мѣсто и болѣе энергичные

¹⁾ См. Успенскаго. „Очерки по исторіи византійской образованности“

²⁾ Krumbacher, Geschichte d. Byzant. Liter., 5. 215.

³⁾ Ibid., S. 215, 216.

люди предпринимали путешествіе въ Византію для расширенія своихъ познаній. Такъ въ IX-мъ вѣкѣ бібліотекаремъ Анастасіемъ была переведена на латинскій языкъ хроника византійца Теофана, послужившая главнымъ источникомъ для средневѣковыхъ анналистовъ ¹⁾. Извѣстно затѣмъ, что въ XI-мъ вѣкѣ въ Византію путешествовалъ нѣкто Адамъ изъ Парижа, искавшій, при томъ, не элементарныхъ познаній, такъ какъ на родинѣ онъ считался способнымъ къ такому дѣлу, какъ редактированіе житій святыхъ ²⁾. Въ томъ же вѣкѣ сюда прибылъ Іоаннъ Италъ, ставшій ученикомъ Пселла и основавшій потомъ свою философскую школу въ Византіи ³⁾. Съ конца этого вѣка, въ эпоху крестовыхъ походовъ, литературное взаимодействіе между Византіей и Западомъ получаетъ для себя новые широкіе пути и, хотя въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ указать ихъ невозможно, но самый фактъ литературныхъ заимствованій не подлежитъ сомнѣнію ⁴⁾. Даже такая, повидимому, исключительно западу принадлежащая область, какъ средневѣковая философія, не оставалась безъ вліянія со стороны Византіи. Въ этомъ отношеніи важно уже одно то обстоятельство, что схоластика господствовала и въ византійской наукѣ и здѣсь раждала тѣ же самыя явленія, что и на Западѣ. Подобно тому, какъ это было въ Западной церкви, и въ Византіи господствующее направленіе богословской мысли усвоило себѣ философію Аристотеля и при помощи ея излагало философское ученіе. Съ XI-го вѣка, въ лицѣ Пселла, Итала и затѣмъ въ послѣдующіе вѣка мало по малу съ Аристотелемъ вступаютъ въ борьбу неоплатоническіе авторитеты, — Платонъ, Порфирій, и Прокль, — и будучи примѣнены къ уясненію церковнаго ученія, вызываютъ глубокія волненія въ византійскомъ обществѣ. Внимательное изслѣдованіе богословскихъ споровъ, возникавшихъ въ Византіи въ періодъ отъ XI-го до XIV вв., показало, что въ основѣ ихъ лежало различіе въ философскихъ направленіяхъ партій, что они были фазисами борьбы между Платономъ и Аристоте-

¹⁾ См. Krumbacher'a *ibid.*, стр. 23, 24; 122, 123.

²⁾ Скабалановичъ. Византійская наука и школы въ XI в.: Хр. чт., 1894, I, 351.

³⁾ Θ. Успенскій. „Очерки исторіи византійской образованности“.

⁴⁾ Ср. Krumbacher, *Byzant, Zeitschr.*, Vorwort, S. 5.

лемъ, между реализмомъ и номинализмомъ ¹⁾. Такъ какъ изученіе Аристотеля, Платона и Прокла примѣнительно къ христіанскимъ воззрѣніямъ начато было въ Византіи ранѣе, чѣмъ на Западѣ, то здѣсь естественно возникаетъ вопросъ: не стояли ли въ связи западные споры съ аналогичными византійскими явленіями? Правда, на философское развитіе Византіи еще не было обращено достаточнаго вниманія и самое сочетаніе словъ „исторія византійской философіи“ звучитъ пока еще странно, непривычно для уха, но уже и здѣсь имѣются факты, съ которыми необходимо считаться историку западной схоластики. Можно признать доказаннымъ, что извѣстная логика Петра Испанскаго, служившая источникомъ всѣхъ свѣдѣній по логикѣ и грамматикѣ въ западной Европѣ до XIV вѣка, представляетъ собой ничто иное, какъ переводъ сочиненія Пселла „*ὄντοσις εἰς τὴν Ἀριστοτέλους λογικὴν ἐπιστήμην*“ ²⁾. Затѣмъ еще нѣсколько фактовъ: найдено, что сочиненія Аристотеля стали доступны Западу въ латинскихъ переводахъ къ 20-мъ годамъ XIII-го вѣка, но какимъ путемъ онѣ проникали на Западъ, этотъ вопросъ еще доселѣ не вполне удалось прослѣдить ученымъ. Но вотъ въ 1209-мъ году въ Парижѣ имѣло мѣсто слѣдующее происшествіе: „на этихъ дняхъ читались нѣкоторыя сочиненія, принадлежащія, какъ говорятъ, Аристотелю и посвященныя метафизикѣ, недавно принесенныя изъ Константинополя и переведенныя съ греческаго на латинскій. Такъ какъ эти сочиненія совратили уже Альмарика и могутъ ввести въ соблазнъ другихъ, то опредѣлено предать ихъ сожженію“ ³⁾. Опредѣленіе это не могло, однако, задержать начавшагося на Западѣ философскаго движенія, развивавшагося подъ воздѣйствіемъ Византіи: въ 1225-мъ году, какъ замѣчаетъ хроника, составленная въ Сень-Дени однимъ монахомъ, врачъ Вильгельмъ вновь принесъ греческія книги изъ Константинополя въ Парижъ, а Фридрихъ II и Манфредъ, оба знавшіе греческій языкъ, своими побужденіями прямо содѣйствовали переводу нѣкоторыхъ сочиненій Ари-

¹⁾ Это раскрыто въ соч. Θ. Успенскаго „Очерки по исторіи византійской образованности“

²⁾ Честь открытія и установки этого факта принадлежитъ Prantl'ю, автору „Исторіи логики“.

³⁾ См. у Θ. Успенскаго въ цит. сочиненіи.

стотеля, Платона и Птолемея съ греческаго на латинскій ¹⁾). Указанные факты ясны: они наглядно свидѣтельствуютъ о философской зависимости Запада отъ Византіи, по крайней мѣрѣ, до половины XIII-го столѣтія и вмѣстѣ съ тѣмъ еще разъ показываютъ, что изученіе Византіи необходимо для лучшаго и всесторонняго пониманія средневѣковой западной жизни, на которую она разнообразно воздѣйствовала. Какъ далеко шло это воздѣйствіе? въ какихъ предѣлахъ средневѣковая Европа находилась подъ вліяніемъ Византіи?—точное и обстоятельное рѣшеніе этихъ вопросовъ—есть задача будущаго византологіи, и она составляетъ то, что можно назвать восточнымъ вопросомъ въ современной исторической наукѣ.

А. Спасскій.

¹⁾ См. у Prutz'a, Kulturgeschichte d. Kreuzzüge, S. 477.